

Психология детского анекдота*

Редкий русский не любит анекдота. Анекдоты передаются из уст в уста, записываются, собираются и издаются. В различных аудиториях анекдоты произносятся «к слову», то есть в качестве иллюстрации какой-либо идеи. Хорошие рассказчики анекдотов запросто становятся душою компании. Кроме того, кто-то да помнит еще времена, когда за анекдот можно было пострадать, и серьезно.

Анекдот (от греческого *anekdotos* - - неизданный) — это краткий устный шуточный рассказ, обычно злободневного содержания, с остроумной концовкой; филологи относят анекдот к жанру фольклора.

Опыт показывает, что в детской среде живут анекдоты, которые почти не рассказываются взрослым и взрослыми, которые их, как правило, забывают, перестав быть детьми, а если и помнят, то они кажутся им не смешными, а скорее глупыми и дурацкими, в то время как дети получают от них массу впечатлений и удовольствия. Такие анекдоты мы называем детскими и хотим посвятить им эту статью.

Науке уже известны две "Психологии сказки" [2], [6] и одна "Психология игры" [9]. Что же до анекдота, то до него, увы, еще не дошли руки даже у чутких к слову филологов: тема эта до недавнего времени была настолько табуированной и "бесперспективной", что филология не породила сколько-нибудь известных исследований анекдота. Про психологию я и говорить молчу: не знаю, как Вас, а у меня уже давно не покидает ощущение, что человек интересуется ею ровно настолько, насколько его можно формировать, развивать и строить. Те же явления, которые существуют и развиваются спонтанно, независимо (а то и "в противовес" им) от контролирующих и дидактических установок считающих себя взрослыми представителей общества, наукой, ими же и создаваемой, активно игнорируются. Она, наука, продолжает культивировать вымученный образ ребенка-материала, или, говоря словами В.Т. Кудрявцева, "полуфабриката" [3], — пассивного, лишённого каких-либо эмоций серьезного бессловесного существа, которому отказано в праве иметь собственный голос в Мире, творимом взрослыми.

Нужно ли говорить, что детской субкультуре озабоченная формированием психология не могла уделить внимания, ибо тогда ей пришлось бы признать за детьми активность, причем культурно-творческую, чему сопротивляются дидактические установки научного сообщества. Поэтому детской субкультурой в нашей стране интересовались только этнографы, питерские филологи (см.: [1]. [5]) да - среди психологов - М.В. Осорина [4], которая реализует подход, несколько отличный от привычного нам "развивающего". Задача этой статьи - описать наши представления о том, как анекдот становится достоянием детского сообщества, увязав известные нам феномены с различными психологическими концепциями развития, то есть ответить на вопрос, почему анекдот имеет для детей значение. Автор понимает, что для "формирующей" психологии эти знания вряд ли будут полезны; я не хочу ничего и никого формировать и проектировать. Я хочу описать явление в его своеобразии и проанализировать известные детские анекдоты как текст. Несомненно, что, как явление фольклорное, изустное, анекдот должен анализироваться во всей полноте своих невербальных аспектов (ситуации, в которых рассказывается, поведение рассказчиков и слушателей, интонации и т.д.), однако сейчас я не чувствую за собой способности этим заниматься.

1. Становление анекдотной компетентности

Должен заметить, способность понимать и ценить анекдоты появляется у человека не сразу; было бы интересно познакомиться с данными наблюдений за конкретными детьми на предмет их динамики в этой области, однако за неимением таковых приходится довольствоваться разрозненными наблюдениями. Впрочем, и из них можно извлечь массу полезной информации, — скажем, предположить, что до "содержательного" восприятия анекдота существует стадия, когда анекдот занимает ребенка как специфическая форма, которая, будучи рассказываемой кому-либо, делает ему "смешно" — вспомните историю про дошкольника, который несколько раз пытался веселить родителей одним и тем же анекдотом, пока отец не поговорил с ним на эту тему, после чего он принес из садика "новый" анекдот — с новыми персонажами и со старым сюжетом (см.: [7]). Кроме того, теперь мы знаем про детей 4-5 лет, которые в условиях детсадовской группы потешали себя следующим образом: один предлагал

вниманию остальных "анекдот" и рассказывал нечто коротенькое и не очень-то смешное (*"Бандит побежал за женщиной, споткнулся и упал"*), после чего вся компания — и рассказчик, и слушатели — разражалась разнузданным смехом; не понимая сути анекдота, дети уже понимают, что анекдот — это нечто рассказываемое другим и веселое, и сами в меру своих возможностей творят таинство рассказывания анекдота. Один наш взрослый респондент поведал, как лет в пять впервые услышал анекдот от отца; поняв анекдот не сразу (отцу пришлось объяснять), парень этот в свои двадцать вспоминал это событие как значимое.

Понимание любого сюжета требует от маленького слушателя и рассказчика понимания причинно-следственных отношений, что, по мысли Пиаже, происходит к шести-семи годам. "Впервые в рассказах 6-7-летнего ребенка появляются логически обоснованные объяснения... Овладевая богатством возможностей, заложенных в языке, ребенок чувствует себя все более уверенным в сфере словесного самовыражения" [1, с.98]. Думаю, освоение анекдота в немалой степени этому способствует.

2. Анекдоты с коверканием слов

Для ребенка 6—7 лет начинает во всей своей грандиозности открываться реальность слова, имени в его самостоятельном, независимом от вещей бытовании (вспомним методику Л.А. Венгера "какое слово длиннее: *червяк* или *змея*?", призванную диагностировать степень психологической готовности ребенка к учебе в школе). Этот процесс отражается и в первых детских анекдотах.

У бабки было четыре собаки - Аба, Сруся, Пира и Гами. Вот как-то вышла она их искать, идет по улице и кричит: "Аба, Сруся, Пира, Гами! Аба, Сруся, Пира, Гоми!". Подходит милиционер и говорит: "Да хоть блинами, только не на моем участке..."

Крокодил Гена и Чебурашка идут по улице. Гена купил пирожки, Чебурашка выпрашивает, а Гена не дает: "Ты чавкать будешь!" Чебурашка продолжает выпрашивать, на что Гена ответил: "Ладно, на, только если будешь чавкать, я тебя наизнанку выверну!" Идут дальше: "Чав, чав, чав!" Через некоторое время: "Вяч, вяч, вяч..."

"Гена едет на велосипеде, Чебурашка сидит на руле. Их останавливает милиционер, показывает на Чебурашку: "Снимите с руля!" "Яне Сруль, я Чебурашка!"

Интересно, что в двух последних анекдотах представлены отношения "родитель —ребенок", причем последнее слово — истина — всегда за ребенком.

Анекдот про Сруля станет понятен, если мы вспомним историю Чебурашки: по сюжету повести Эдуарда Успенского, этот сильный и всегда грустный персонаж определенно детского возраста и без определенных половых признаков изначально не знал, кто он (не зря его огромные уши напоминают локаторы - ему необходимо это узнать), а имя свое получил за то, что упал "чебурахнулся" (вообще, повесть эта, как и сделанный по ней мультфильм - это сказка о несчастном подкидыше, который обрел сначала приемных родителей (а они - его), а потом и дом: "Я был когда-то странной игрушкой безымянной..." - пели миллионы советских детей). И ребенок тоже никогда до конца не знает, кто он и какой он, поэтому постоянно требует от взрослых ответов на эти вопросы; если же эти ответы носят откровенно негативный характер ("Сруль" — это, простите, тот, кто — очевиден мотив неприятия дяденькой-милиционером), то ребенок обижается и защищается. Как может. И в анекдоте этом воплотился детский протест против негативной идентичности, навязываемой ему нечуткими взрослыми. Думаю, детям и взрослым, считающим этот анекдот своим любимым, хорошо знакомо такое человеческое "участие".

3. Анекдоты с "веселыми материями", "жена и любовник"

Термин "веселые материи" ввел в обиход М.М. Бахтин, обозначив им все телесные выделения, столь важные в карнавальной культуре. Должен сказать, детский анекдот в этом смысле -явление очень даже карнавальное.

Летят русский, немец и американец. Летят над США, американец говорит: "Я свою страну люблю, скину-ка я на нее два мешка золота!" Скинул, летят дальше. Пролетают над Германией, немец говорит: "Я свою страну тоже люблю. Поэтому скину на нее мешок серебра. " Летят над Россией. Русский говорит: "А я свою страну тоже люблю. Скину-ка я на нее мешок говна. " Вот приезжает каждый к себе в страну. Американец видит: мальчик с девочкой стоят и плачут. Он их спрашивает, чего это они плачут. Они отвечают: летел самолет, с него упало две бомбы, и маму с папой убило. Германиеи в своей стране - то же самое. Русский приезжает в Россию и видит: стоит на огороде бабка и смеется, прямо заливается. Он спрашивает: "Чего

смеешься⁹" Она отвечает: "Вышла я на огород, вижу: летит птичка, ростом невеличка. Как перданэ, как серанэ — весь огород в говне".

Наши респонденты говорили, что финал анекдота вызывал у них чувство удивления: вроде бы «у них» деньги, а они плачут из-за них, а у нас - говно, и нам весело. Не знаю, как вас, а меня в финале охватывает солнечное чувство. Мораль, которая прочитывается в этом анекдоте, такова: говно (дефекация) = хорошо (смех, радость), а деньги (богатство, накопление, сдерживание, удержание) = плохо (смерть). "Опорожняйтесь, господа, — это здорово!", — словно бы приглашает этот анекдот, тем самым высвобождая в нас какую-то затаенную психическую энергию.

Ира, студентка, 20 лет: "Это было во втором или в третьем классе - не помню. К нам приехала бабушка из деревни и рассказала анекдот, от которого мы чуть не падали, таким он казался нам тогда смешным. *Один парень приехал в Москву, долго гулял там, зашел на Красную площадь, сильно захотел в туалет и, не зная, что делать, накакал прямо на красную площадь. Поднимает голову - видит, прямо к нему идет милиционер. Что делать? - Снял шляпу, прикрыл ею кучу. Подходит милиционер, говорит: "Молодой человек, вы шляпу уронили". — "Я ее не ронял, это у меня там птенчик. Он очень шустрый, я боюсь, что он улетит. Не могли бы вы его покарать, пока я сбегу за клеткой?" "Только не поднимайте шляпу ни в коем случае, прошу вас, а то он у меня очень уж шустрый. Обязательно улетит!"— и убежал. Стоит милиционер, караулит, через некоторое время к нему подходит другой милиционер и спрашивает, чего это он тут делает. Первый объясняет ситуацию. Стоят вдвоем, караулят. Парня все нет и нет. Второй говорит "Ну давай посмотрим!" - "Нельзя. Птенчик очень шустрый, он вылетит. Что мы тогда делать будем?" - "А давай так: ты чуть-чуть поднимешь шляпу, а я засуну руку и его поглажу". "Ну давай, уговорил"; так они и сделали. Второй милиционер, удивленно: "Да он действительно шустрик: даже через пальцы лезет!"*

Этот анекдот является прямо-таки издевательством над милицией - силами Супер-эго: мало того, что герой избегает наказания за дефекацию на святой святыни -- Красной площади, ему еще и удается окунуть в свои испражнения руки стражей порядка, которые символизируют контролирующих и запрещающих родителей. Здесь трудно не вспомнить концепцию карнавальской культуры М. М. Бахтина: "веселые

материи", порождение "материально-телесного низа", где все рождается и перерождается, качественно обновляясь, сближаются в этом анекдоте с силами контроля и запрета, с руками творящих закон стражей порядка, которые в финале понимают, что они не властны над мощным в своей шустрой вездесущести "птенчиком".

Возможно, "веселые материи" часто встречаются в детских анекдотах отчасти по причине культурного табу на эту тему (мне не раз приходилось наблюдать, как несколько детей 3—4 лет выкрикивают непристойные слова и смеются после каждого выкрика сатанинским смехом). Однако, думаю, дело здесь не только в табу. Веселые материи в этих анекдотах всегда предстают чем-то желанным и даже необходимым (*еще есть анекдот про трех женихов различных национальностей, которые, претендуя на царскую дочь, выполняли наказ царя проехать дальше всех на автомобиле; победил, конечно, русский, объяснив секрет своего мастерства стихотворной (истинной, суггестивной) фразой "А русский не дурак, он пописал в бензобак!"*).

Дело в том, что с появлением у ребенка способности рассказывать истории открывается мощный канал переработки напряжений прошлого: "Можно думать, что эмоциональные проблемы и страхи, актуальные в раннем возрасте, изживаются и снимаются в страшилках, получая внешнюю форму выражения в коллективном творчестве старших детей", пишут О.Н. Гречина и М.В. Осорина [1, с.103]; думаю, функции у детского анекдота во многом те же, что и у страшилок. Кстати, анекдоты про мужа, жену и любовника тоже любимы детьми, причем любовник в них всегда выходит победителем.

3. Анекдоты с означиванием

Как-то первоклассница Аида предложила мне ответить на ряд вопросов о том, какие мои любимые певичка, машина, цветы и дерево, а потом, используя мои ответы, рассказала "анекдот": *"Сидите вы на траве, вдруг приезжает "Вольво ", и из нее выходит Алла Пугачева и дарит вам букет тюльпанов, а вы от страха залезаете на большую березу"*. Этот рассказ привел в восторг находящихся рядом детей, а чуть позже сделался "хитом" у старших дошкольников в разновозрастной группе, где я работал.

Соблюдение определенной последовательности - вот что требуется этой смеховой формой от ребенка-рассказчика. Слушатель здесь тоже активен — он вовлекается в игру, поставляя сведения о своих *любимых* цветах, певицах и т.д., которые, будучи подставлены в нужные места готового уже сюжета-формы, породят у слушателя ощущение вовлеченности в описываемое любовное действо.

Вот еще один анекдот, наверняка знакомый любому, кто помнит свое детство.

У бабки был попугай. Отпустила она его на улицу: "Лети, поучись разным словам". Летит попугай, видит - сидят в засаде пулеметчики, и навстречу им идут враги, и один пулеметчик говорит: "Ползут, гады, ползут". Летит дальше - летчик военный по рации передает: "Пятый-пятый, я десятый, за мной гонится двадцатый...". Дальше летит - пингвины на полюсе поют: "А мы пингвинчики, а нам не холодно, а мы на севере живем!" Прилетает попугай домой, бабка говорит: "Посмотри, не идут ли гости". Попугай глянул в окно: "Ползут, гады, ползут". Бабка рассердилась, схватила тряпку и бросилась на попугая, а он, улетаая, кричит: "Пятый-пятый, я десятый, за мной гонится двадцатый..." Поймала его бабка, засунула в наказание в холодильник, а он поет: "А мы пингвинчики, а нам не холодно, а мы на севере живем!"

Второклассник Юра девяти лет на перемене попросил меня проверить его знание таблицы умножения. На первый мой вопрос он ответил с трудом, на второй и вовсе не смог ответить, потом ненадолго задумался и спросил: "Хотите, анекдот расскажу?" Я хотел.

"Незнайка приходит в школу, его учитель спрашивает: "Как ты уроки делаешь?" Он говорит: "Не знаю..." "Как твоя бабушка пирожки печет?" "Не знаю..." "Что у вас на чердаке?" "Не знаю..." "Что у тебя в голове?" "Не знаю..." Незнайка пошел домой, спрашивает у бабушки: "Как. я уроки делаю?" "Чисто, аккуратно..." "А что у меня в голове?" "Мозги". "Как ты пирожки печешь?" "Тяп-ляп и готово!" "Что у нас на чердаке?" "Банки, склянки да всякие поганки". Пошел он на другой день в школу, запнулся, упал, все из головы вылетело... Приходит, учитель спрашивает: "Как ты уроки делаешь?" "Тяп-ляп и готово!" "Как твоя бабушка пирожки печет?" "Чисто, аккуратно". "Что у вас на чердаке?" "Мозги". "Что у тебя в голове?" "Банки, склянки да всякие поганки!"

Говоря формально, мы имеем в этом анекдоте техникой остроумия два "перевертыша": вопросы и ответы меняются местами, перевертываются (перевертыш - термин К.И. Чуковского: функции и свойства предмета А приписываются предмету В, и наоборот) (в скобках заметим, что в детском юморе есть еще один вид перевертывания - употребление антонимов: *"Какие у меня руки чистенькие!"* — хвалится семилетний Ваня, показывая одноклассникам испачканные ладони). Таким образом обыгрываются и осваиваются, утверждаются социальные нормы (что, по Фрейду-Эриксону, является сутью латентной фазы): уроки нужно делать аккуратно и чисто, гостей встречать радушно, а к наказанию относиться с почтением.

Но отвлечемся пока от формы, которая удивительно напоминает нам формы предыдущих детских произведений - "сказки" Аиды и анекдота про Попугая и бабу. На "последнее слово" Незнайки можно взглянуть также содержательно. Компетентность - вот что необходимо чувствовать любому младшему школьнику для полноценного проживания возраста. Незнайка же -- это образчик (проекция) некомпетентности (заметьте, что Юра рассказал анекдот после того, как не справился с таблицей умножения), причем снабженная описанием механизма, к некомпетентности этой приводящего: пока "субстрат разума" (мозги) пылится на чердаке, поведением управляют пустые, хрупкие и ненужные в своей косной застарелости формы-стереотипы (банки, склянки да всякие поганки - содержание чердака-Супер-эго); наивное детское мировосприятие с помощью таких вот анекдотов отдает себе в этом отчет.

В младшем школьном возрасте дети открывают реальность знака как такового и зависимость его значения от контекста, в который он помещен. Это хорошо иллюстрирует следующий анекдот, слышанный мною от девочки Иры одиннадцати лет.

Чапаев велел Петьке залезть на дерево и наблюдать окрестности с тем, чтобы, увидев вражескую пехоту, показать ему (подзывающий жест указательным пальцем), танки - (легкое постукивание кулаком о скулу), а самолеты - (взгляд вверх с приставленной ко лбу ладонью). Петька залез, Чапаев сел за пулемет, и тут показали и пехота, и танки, и самолеты. Петька показал в точности как велел Чапаев, после чего вражеские полчища вдруг развернулись и убежали\уехали\улетели, а вражеский командир потом докладывал начальству: "Выходим мы в чисто поле, видим вдруг - на

дереве человек сидит и показывает: подходите, подходите, в зуб дам - высоко лететь будете!"

Анекдот свидетельствует, что эту свою способность к означиванию ребенок переживает как реальную, прямо-таки магическую силу: достаточно было герою анекдота показать ряд знаков, и враг бежал без боя.

У Эрика Эриксона можно прочесть, что в возрасте от 6 до 11 лет ребенок занят строительством, созиданием и достижением, а также получает систематические инструкции и основы технологии, а у Жана Пиаже - что в 7-12 лет (конкретная (операциональная) фаза) у ребенка появляется причинно-следственное мышление, включающее реверсивность и способность группировать.

Собственно, приведенные выше специфические анекдоты, где первоначальный и верный текст дробится на части, из которых творится потом новый и дурацкий, хоть и тоже не без смысла, достойное тому подтверждение, тем более ценное, что получено оно не формирующе-экспериментально, а порождено и с завидным постоянством воспроизводится из поколения в поколение детским сообществом; признаюсь, сам я эти анекдоты знал и рассказывал и раньше, однако потом забыл. До поры до времени.

5. Переход к подростковым анекдотам

Наш опыт общения с детьми свидетельствует, что лет с 10-11 описанные выше анекдоты перестают волновать детей, уступая место, например, анекдотам про Вовочку, активно нарушающего различные нормы (взрывающего школу, курящего и т.д.). Иногда заодно с ним выступают и родители, как тот отец, который, будучи *вызванным* в школу, на слова учителя «ваш сын курил вчера "Мальборо»» начинает ругать Вовочку словами «сколько раз говорил: не тронь мои "Мальборо", твой "Беломор" на холодильнике!»

Если Попугай и Незнайка, герои анекдотов 1—2 класса, делают что-либо не так по причине своей незрелости (они **знают** нормы, однако путаются, не зная, где их употреблять), то подростковый Вовочка по сравнению с ними предстает явно асоциальным типом, таким маленьким "отморозком", который словно живет в другом ценностном измерении и про общественные нормы не ведает.

В дальнейшем и этот тип анекдотов перестает интересовать ребенка (интересно, что анекдоты про Вовочку рассказывают только мальчики), не говоря уже про все

вышеперечисленные. Можно предполагать, что это связано с окончанием психологической переработки травм, страхов и прочих напряжений прошлых возрастов, а также с развитием мышления (по Пиаже, в подростковом возрасте мышление ребенка перестает качественно отличаться от мышления взрослого, развившись до формальной (абстрактной) фазы).

Как бы то ни было, завершение эпохи детского анекдота, которому посвящена эта статья, при сохранении и усилении тенденции к освоению анекдотов, актуальных (= смешных) и для взрослых* (в чем их психологическая сущность - см. пока: [7]), свидетельствует о начале принципиально нового этапа становления личности.

6. Анекдот и психопатология

В журнале "Огонек" (№22, июнь 1998) есть чудная статья Майи Куликовой "Диагноз: настоящий солдат". Статья про житье-бытье людей с психиатрическими диагнозами в психиатрических учреждениях. Автор статьи приходит в московскую психбольницу и, разыскивая тамошнее начальство, знакомится с больным Толей и разговаривает с ним про больничную жизнь.

«А потом Толя рассказал мне свой любимый анекдот: *"Пришли как-то ходоки к Ленину. И принесли ему банку меда. Ленин сказал: не надо, отдайте детям в детский дом. Ходоки отвернулись, а Ленин мед - цап!"*

Толя долго смеялся. Я тоже улыбалась. Хорошо у них тут - просто и незатейливо.

— Вы не знаете, что такое "ЭТО"? - спросила счастливая я у счастливого Толи. (Эти загадочные буквы были написаны на одной из дверей лечебницы. - Н.Щ.)

— Не знаю. Я устал, — сказал Толя и ушел».

О несомненной значимости рассказывания этого несомненно дурацкого анекдота для Толи свидетельствует длительная эмоциональная реакция (смех), которой завершилось рассказывание, а также тот факт, что после этого события рассказчик оказался не способен ответить на вопрос и ушел, сказав о своей усталости. Похоже, рассказав этот анекдот, он проделал глубокую работу и тем самым удовлетворил какую-то свою потребность. Далее можно анализировать анекдот как отражение психической

* Нужно заметить, что многие "взрослые" анекдоты смешны и маленьким детям, однако до тех пор, пока в их среде на равных правах живут и детские-анекдоты, трудно говорить о начале эпохи "взрослого анекдота"

динамики Толи, однако рамки статьи не позволяют здесь этим заниматься. Однако надеюсь, что этим коротким отрывком мне удалось проблематизировать возможность рассмотрения анекдота как психодиагностического и терапевтического средства, каковым он, впрочем, всегда и являлся.

Выводы

А) Анекдот требует от своих слушателей и рассказчиков определенного интеллектуального ресурса, поэтому способность понимать анекдоты (анекдотная компетентность) становится постепенно, претерпевая ряд стадий.

Б) Анекдот можно анализировать формально (техника создания комического эффекта: перевертыш, коверкание слов и т.д.) к содержательно (актуализирующиеся в анекдоте противоречия). В первом случае можно получить представление о развитии речи и мыслительных способностей рассказчиков и слушателей, во втором - о личностно значимых для них конфликтах и переживаниях.

В) Подобно игре, театру, сновидению и прочим видам творчества, анекдот, как и вообще юмор, относимый психоаналитиками к зрелым психологическим защитами, служит олицетворению и символическому разрешению актуальных для человека противоречий, - здесь мы едва ли сможем сказать что-то новое после великого Фрейда. Другое дело, что, понимая детский анекдот, мы можем понять, какие противоречия значимы для его рассказчиков. Тот факт, что география детского анекдота весьма обширна, а анекдоты с одинаковыми сюжетами уже не один десяток лет веселят русских детей, свидетельствует, что детский анекдот - явление этническое, а противоречия и переживания, находящие в нем свое выражение, у всех детей одни и те же: это страхи (смерти, падения с высокого этажа и т.д.), конфликты анальной и фаллической фаз, способность к означиванию, освоение социальных норм, компетентность (мотив Незнайки) и подростковое преодоление освоенных ранее норм (Вовочка).

Г) Связь анекдота и сказки: формальное сходство (сказочные герои, число 3, последнее слово за главным героем, сходство ряда сюжетов со сказочными (царь и трое женихов) и т.д. при (внимание!!!) новом отношении ребенка к этим аспектам: он не зачарован анекдотом, как когда-то сказкой, когда, по свидетельству)

А.В. Запорожца [2], рассказываемая взрослым сказка оказывала на ребенка прямо-таки магическое действие, завладевая его психикой и соматикой. К анекдоту ребенок относится как к чему-то второсортному, несерьезному, дурацкому (то же, по нашим данным (см.: [8]), к концу дошкольного возраста происходит и с ведущей когда-то деятельностью - сюжетно-ролевой игрой: дети уже не играют в нее самозабвенно, а, играя, подчеркнуто дурачатся). В связи с развитием интеллектуальных способностей детей все эти Чебурашки, Гены, Зайцы, Медведи и прочие персонажи сказок и мультиков, которым дети ранее сопереживали, будучи захвачены разворачивающимся сказочным действием, теперь выступают объектами осмеяния, десокрализуются, делаясь героями анекдота. Процедура рассказывания анекдота дошкольником в обществе себе подобных есть, как нам думается, групповое, совместное профанирование, оглупление и осмеяние сказки, вернее, знакомого всем детям «сказочного», наивного, предельно вовлеченного восприятия. Это действо служит развитию детского сознания и освобождению его от недавней магии сказки.

По мысли М.М. Бахтина, карнавальная, праздничная, смеховая форма человеческого бытия неразрывно связана с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Все цветастое многообразие детских анекдотов - еще одно тому подтверждение.

Поэтому, уважаемые взрослые, если ребенок захочет рассказать вам анекдот, выслушайте. Это важно. И для него, и для вас

Литература

1. О.Н. Гречина, М.В. Осорина. Современная фольклорная проза детей. //Русский фольклор, т. XX. 1981.
2. А.В. Запорожец. Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником. //Дошкольное воспитание, 1948, № 9.
3. В.Т. Кудрявцев. Психология развития человека. - Рига: ПЦ"Эксперимент". 1999.
4. М.В. Осорина. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. -СПб: "Питер", 1999.
5. Русский школьный фольклор. От "вызываний" Пиковой дамы до семейных рассказов. - М.: "Ладомир", 1998.

6. М.Л. фон Франц. Психология сказки. - СПб: Б.С.К. 1998.
7. Н.Н. Щербаков. Еще раз о природе смешного или Анекдот как конфликтная конструкция // Бюллетень клуба конфликтологов. № 6. — Красноярск, 1997.
8. Н.Н. Щербаков. Смеховая форма. Часть 3. Смеховые проявления в ситуации сюжетно-ролевой игры как критерий развития игровой компетентности дошкольника. // Журнал практического психолога. № 2. 1999.
9. Д.Б. Эльконин. Психология игры. - М., 1978.